

ЯНВАРЬ Зинька была молодая синичка, и своего гнезда у нее не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам, — синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щелку какую под крышей, забьется туда, распушит попышней свои перышки, — кое-как и переспит ночку. Но раз — среди зимы — посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помещалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха. И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое. Вдруг ночью ее разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет. Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, заглянула в окно. Там в комнате стояла большая — под самый потолок елка, вся в огнях, и в снегу, и в игрушках. Вокруг нее прыгали и кричали дети. Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и многого еще на свете не знала. Заснула она далеко за полночь, когда люди в доме наконец успокоились и в окне погас свет. А утром Зиньку разбудил веселый, громкий крик воробьев. Она вылетела из гнезда и спросила их:

— Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

— Как? — удивились воробьи. — Разве ты не знаешь какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются — и люди и мы.

— Как это — Новый год? — не поняла синичка.

— Ах ты, желторотая! — зачирикали воробьи. — Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

— А что это «январь», «календарь»?

— Фу, какая ты еще маленькая! — возмутились воробьи. — Календарь — это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь — его первый месяц, носик года. За ним идет еще десять месяцев — столько, сколько у людей пальцев на передних лапах: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года — декабрь. Запомнила?

— Не-ет, — сказала синичка. — Где же сразу столько запомнить! «Носик», «десять пальцев» и «хвостик» запомнила. А называются они все уж больно мудро.

— Слушай меня, — сказал тогда Старый Воробей. — Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

— Вот спасибо! — обрадовалась Зинька. — Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья! И она полетела и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью все, что заметила. И Старый Воробей сказал ей:

— Ну вот, запомни: январь — первый месяц года — начинается с веселой елки у ребят. Солнце с каждым днем понемножечку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз все крепчает, небо все в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: «Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!»

ФЕВРАЛЬ Опять выглянуло солнышко, да такое веселое, яркое. Оно даже пригрело немножко, с крыш повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

«Вот и весна начинается», — решила Зинька. Образовалась и запела звонко:

— Зинь-зинь-тан! Зинь-зинь-тан! Скинь кафтан!

— Рано, пташечка, запела, — сказал ей Старый Воробей. — Смотри еще, сколько морозу будет. Еще наплачемся.

— Ну да! — не поверила синичка. — Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости. И полетела. В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев! Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах елок навалены целые сугробики. Это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку — снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам, стряхивала с них снег и осматривала кору. Глазок у нее острый, бойкий — ни одной трещинки не пропустит. Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбит дырочку пошире — и тащит из-под коры какого-нибудь насекомыша-букарашку. Много насекомышей набивается на зиму под кору — от холода. Зинька вытащит и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом. Смотрит: лесная мышь из-под снега выскочила. Дрожит, вся взъерошилась.

— Ты чего? — Зинька спрашивает.

— Фу, напугалась! — говорит лесная мышь.

Отдышалась и рассказывает:

— Бегала я в куче хвороста под снегом, да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это, оказывается, медведицына берлога. Лежит в ней медведица, и два махоньких новорожденных медвежонка у нее. Хорошо, что они крепко спали, меня не заметили. Полетела Зинька дальше в лес; дятла встретила, красношапочника. Подружилась с ним. Он своим крепким граненым носом большие куски коры ломает, жирных личинок достает. Синичке после него тоже кое-что перепадает. Летает Зинька за дятлом, веселым колокольчиком звенит по лесу:

— Каждый день все светлей, все веселей, все веселей! Вдруг зашипело вокруг, побежала по лесу поземка, загудел лес, и стало в нем темно, как вечером. Откуда ни возьмись, налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпал, завился — началась пурга. Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвет ее с ветки, перья ерошит и леденит под ними тельце. Хорошо, что дятел пустил ее в свое запасное дупло, а то пропала бы синичка. День и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выглянула из дупла, она не узнала леса, так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, черные, с содранной корой. Зинька слетела на один из них — поискать под корой насекомышей. Вдруг из-под снега — зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с черными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил. У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

— Ты кто? — пискнула.

— Я беляк. Заяц я. А ты кто?

— Ах, заяц! — обрадовалась Зинька. — Тогда я тебя не боюсь. Я синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не видала, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

— Ты тут и живешь, на земле? — спросила Зинька.

— Тут и живу.

— Да ведь тебя тут совсем занесет снегом!

— А я и рад. Пурга все следы замела и меня занесла — вот волки рядом пробежали, а меня и не нашли. Подружилась Зинька и с зайцем. Так и прожила в лесу целый месяц, и все было: то снег, то пурга, а то и солнышко

выглянет, — денек простоит погожий, но все равно холодно. Прилетела к Старому Воробью, рассказала ему все, что заметила, он и говорит:

— Запоминай: вьюги да метели под февраль полетели. В феврале лютуют волки, а у медведицы в берлоге медвежатки родятся. Солнышко веселей светит и дольше, но морозы еще крепкие. А теперь лети в поле.

МАРТ Полетела Зинька в поле. Синичке ведь где хочешь жить можно: были бы хоть кустики, а уж она себя прокормит. В поле, в кустах, жили серые куропатки — красивые такие полевые курочки с шоколадной подковкой на груди. Целая стая их тут жила, зерна из-под снега выкапывала.

— А где же тут спать? — спросила у них Зинька.

— А ты делай, как мы, — говорят куропатки. — Вот гляди. Поднялись все на крылья, разлетелись пошибче — да бух с разлету в снег! Снег сыпучий, — обсыпался и прикрыл их. И сверху их никто не увидит, и тепло им там, на земле, под снегом. «Ну нет, — думает Зинька, — синички так не умеют. Поищу себе получше ночлега». Нашла в кустах кем-то брошенную плетеную корзиночку, забралась в нее, да и заснула там. И хорошо, что так сделала. День-то простоял солнечный. Снег наверху подтаял, рыхлый стал. А ночью мороз ударил. Утром проснулась Зинька, ждет — где же куропатки? Нигде их не видно. А там, где они вечером в снег нырнули, наст блестит — ледяная корка. Поняла Зинька, в какую беду попали куропатки: сидят теперь, как в тюрьме, под ледяной крышей и выйти не могут. Пропадут там под ней все до одной! Что тут делать? Да ведь синички — боевой народ. Зинька слетела на наст — и давай долбить его крепким своим, острым носиком. И продолбила, — большую дырку сделала. И выпустила куропаток из тюрьмы. Вот уж они ее хвалили, благодарили! Натаскали ей зерен, семечек разных:

— Живи с нами, никуда не улетай! Она и жила. А солнце день ото дня ярче, день ото дня жарче. Тает, тает в поле снег. И уж так его мало осталось, что больше не ночевать в нем куропаткам: мелок стал. Перебрались куропатки в кустарник спать, под Зинькиной корзинкой. И вот, наконец, в поле на пригорках показалась земля. И как же все ей обрадовались! Тут не прошло и трех дней — откуда ни возьмись, уж сидят на проталинах черные, с белыми носами грачи. Здравствуйте! С прибытием! Ходят важные, тугим пером поблескивают, носами землю ковыряют: червяков да личинок из нее потаскивают. А скоро за ними и жаворонки и скворцы прилетели, песнями залились. Зинька с радости звенит-захлебывается:

— Зинь-зингь-на! Зинь-зинь-на! К нам весна! К нам весна! К нам весна!

Так с этой песенкой и прилетела к Старому Воробью. И он ей сказал:

— Да. Это месяц март. Прилетели грачи, — значит, правда весна началась. Весна начинается в поле. Теперь лети на реку.

АПРЕЛЬ Полетела Зинька на реку. Летит над полем, летит над лугом, слышит: всюду ручьи поют. Поют ручьи, бегут ручьи, — все к реке собираются. Прилетела на реку, а река страшная: лед на ней посинел, у берегов вода выступает. Видит Зинька: что ни день, то больше ручьев бежит к реке. Пробрется ручей по овражку незаметно под снегом и с берега — прыг в реку! И скоро многое множество ручьев, ручейков и ручьишек набилось в реку — под лед попрятались. Тут прилетела тоненькая черно-белая птичка, бегаёт по берегу, длинным хвостиком покачивает, пищит:

— Пи-лик! Пи-лик!

— Ты что пищишь! — спрашивает Зинька. — Что хвостиком размахиваешь?

— Пи-лик! — отвечает тоненькая птичка. — Разве ты не знаешь, как меня зовут? Ледоломка. Вот сейчас раскачаю хвост, да как тресну им по льду, так лед и лопнет, и река пойдет.

— Ну да! — не поверила Зинька. — Хвастаешь.

— Ах так! — говорит тоненькая птичка. — Пи-лик!

И давай еще пуще хвостик раскачивать. Тут вдруг как бухнет где-то вверху по реке, будто из пушки! Ледоломка порх — и с перепугу так крылышками замахала, что в одну минуту из глаз пропала. И видит Зинька: треснул лед, как стекло. Это ручьи — все, что набежали в реку, — как понатужились, нажали снизу — лед и лопнул. Лопнул и распался на льдины, большие и малые. Река пошла. Пошла и пошла, — и уж никому ее не остановить. Закачались на ней льдины, поплыли, бегут, друг друга кружат, а тех, что сбоку, на берег выталкивают.

Тут сейчас же и всякая водяная птица налетела, точно где-то здесь, рядом, за углом ждала: утки, чайки, кулики-долгоножки. И, глядь, Ледоломка вернулась, по берегу ножонками семенит, хвостом качает. Все пищат, кричат, веселятся. Кто рыбку ловит, ныряет за ней в воду, кто носом в тину тыкает, ищет там что-то, кто мушек над берегом ловит.

— Зинь-зинь-хо! Зинь-зинь-хо! Ледоход, ледоход! — запела Зинька. И полетела рассказать Старому Воробью, что видела на реке. И старый Воробей сказал ей: — Вот видишь: сперва весна приходит в поле, а потом на реку. Запомни: месяц, в который у нас реки освобождаются ото льда, называется апрель. А теперь лети-ка опять в лес: увидишь, что там будет. И Зинька скорей полетела в лес.

МАЙ

В лесу еще было полно снега. Он спрятался под кустами и деревьями, и солнцу трудно было достать его там. В поле давно уже зеленела посеянная с осени рожь, а лес все еще стоял голый. Но уже было в нем весело, не то что зимой. Налетело много разных птиц, и все они порхали между деревьями, прыгали по земле и пели, — пели на ветвях, на макушках деревьев и в воздухе. Солнце теперь вставало очень рано, ложилось поздно и так усердно светило всем на земле и так грело, что жить стало легко. Синичке больше не надо было заботиться о ночлеге: найдет свободное дупло — хорошо, не найдет — и так переночует где-нибудь на ветке или в чаще.

И вот раз вечерком ей показалось, будто лес в тумане. Легкий зеленоватый туман окутал все березы, осины, ольхи. А когда на следующий день над лесом поднялось солнце, на каждой березе, на всякой веточке показались точно маленькие зеленые пальчики: это стали распускаться листья. Тут и начался лесной праздник. Засвистал, защелкал в кустах соловей. В каждой луже урчали и квакали лягушки. Цвели деревья и ландыши. Майские жуки с гуденьем носились между ветвями. Бабочки порхали с цветка на цветок. Звонко куковала кукушка. Друг Зиньки, дятел-красношапочник, и тот не тужил, что не умеет петь: отыщет сучок посуше и так лихо барабанит по нему носом, что по всему лесу слышна звонкая барабанная дробь.

А дикие голуби поднимались высоко над лесом и проделывали в воздухе головокружительные фокусы и мертвые петли. Каждый веселился на свой лад, кто как умел. Зиньке все было любопытно. Зинька всюду попевала и радовалась вместе со всеми. По утрам на заре слышала Зинька чьи-то громогласные крики, будто в трубы кто-то трубил где-то за лесом. Полетела она в ту сторону и вот видит: болото, мох да мох, и сосенки на нем растут.

И ходят на болоте такие большие птицы, каких никогда еще Зинька не видела, — прямо с баранов ростом, и шеи у них длинные-длинные. Вдруг подняли они свои шеи, как трубы, да как затрубят, как загремят:

— Тррру-рру-у! Тррру-рру!

Совсем оглушили синичку. Потом один растопырил крылья и пушистый свой хвост, поклонился до земли соседям да вдруг и пошел в пляс: засеменял, засеменял ногами и пошел по кругу, все по кругу; то одну ногу выкинет, то другую, то поклонится, то подпрыгнет, то вприсядку пойдет — умора! А другие на него смотрят, собрались кругом, крыльями враз хлопают. Не у кого было Зиньке спросить в лесу, что это за птицы-великаны, и полетела она в город к Старому Воробью. И Старый Воробей сказал ей:

— Это журавли; птицы серьезные, почтенные, а сейчас видишь, что выделывают. Потому это, что пришел веселый месяц май, и лес оделся, и все

цветы цветут, и все пташки поют. Солнце теперь всех обогрело и светлую всем радость дало.

ИЮНЬ Решила Зинька: «Полечу-ка я нынче по всем местам: и в лес, и в поле, и на реку... Все осмотрю».

Первым делом наведальась к старому другу своему — дятлу-красношапочнику. А он как увидел ее издали, так и закричал:

— Кик! Кик! Прочь, прочь! Тут мои владения!

Очень удивилась Зинька. И крепко на дятла обиделась: вот тебе и друг! Вспомнила о полевых куропатках, серых, с шоколадной подковкой на груди. Прилетела к ним в поле, ищет куропаток — нет их на старом месте! А ведь целая стая была. Куда все подевались?

Летала-летала по полю, искала-искала, насилу одного петушка нашла: сидит во ржи, — а рожь уж высокая, — кричит:

— Чир-вик! Чир-вик!

Зинька — к нему. А он ей:

— Чир-вик! Чир-вик! Чичире! Пошла, пошла отсюда!

— Как так! — рассердилась синичка. — Давно ли я всех вас от смерти спасла — из ледяной тюрьмы выпустила, а теперь ты меня и близко к себе не пускаешь?

— Чир-вир! — смутился куропачий петушок. — Правда, от смерти спасла. Мы это все помним. А все-таки лети от меня подальше: теперь время другое, мне вот как драться хочется! Хорошо, у птиц слез нет, а то, наверно, заплакала бы Зинька, уж так ей обидно, так горько стало! Повернулась молча, полетела на реку. Летит над кустами, вдруг из кустов — серый зверь! Зинька так и шарахнулась в сторону.

— Не узнала? — смеется зверь. — А ведь мы с тобой старые друзья.

— А ты кто? — спрашивает Зинька.

— Заяц я. Беляк.

— Какой же ты беляк, когда ты серый? Я помню беляка: он весь белый, только на ушках черное.

— Это я зимой белый: чтобы на снегу меня видно не было. А летом я серый. Ну и разговорились. Ничего, с ним не ссорились. А потом Старый Воробей и объяснил Зиньке:

— Это месяц июнь — начало лета. У всех нас, у птиц, в это время — гнезда, а в гнездах — драгоценные яички и птенчики. К своим гнездам мы никого не подпускаем — ни врага, ни друга: и друг может нечаянно разбить яичко. У зверей тоже детеныши, звери тоже никого к своей норе не подпустят. Один заяц без забот: растерял своих детишек по всему лесу, и думать о них забыл. Да ведь зайчаткам мать-зайчиха нужна только в первые дни: попьют они материнское молочко несколько дней, а потом сами травку зубрят. Теперь, — прибавил Старый Воробей, — солнце в самой силе, и самый длинный у него трудовой день. Теперь на земле все найдут, чем набить своим малышам животики.

ИЮЛЬ

— С новогодней елки, — сказал Старый Воробей, — прошло уже шесть месяцев, ровно полгода. Запомни, что второе полугодие начинается в самый разгар лета. А пошел теперь месяц июль. А это самый хороший месяц и для птенцов и для зверят, потому что кругом всего очень много: и солнечного света, и тепла, и разной вкусной еды.

— Спасибо, — сказала Зинька.

И полетела. «Пора мне остепениться, — подумала она. — Дупел в лесу много. Займу, какое мне понравится свободное, и заживу в нем своим домком!» Задумать-то задумала, да не так просто оказалось это сделать. Все дупла в лесу заняты. Во всех гнездах птенцы. У кого еще крохотки, голенькие, у кого в пушку, а у кого и в перышках, да все равно желторотые, целый день пищат, есть просят. Родители хлопочут, взад-вперед летают, ловят мух, комаров, ловят бабочек, собирают гусениц-червячков, а сами не едят: все птенцам носят. И ничего: не жалуются, еще песни поют. Скучно Зиньке одной. «Дай, — думает, — я помогу кому-нибудь птенчиков покормить. Мне спасибо скажут». Нашла на ели бабочку, схватила в клюв, ищет, кому бы дать. Слышит — на дубу пищат маленькие щеглята, там их гнездо на ветке. Зинька скорей туда — и сунула бабочку одному щегленку в разинутый рот. Щегленок глотнул, а бабочка не лезет: велика больно. Глупый птенчик старается, давится — ничего не выходит. И стал уже задыхаться. Зинька с испугу кричит, не знает, что делать. Тут щеглиха прилетела. Сейчас — раз! — ухватила бабочку, вытащила у щегленка из горла и прочь бросила. А Зиньке говорит:

— Марш отсюда! Ты чуть моего птенчика не погубила. Разве можно давать маленькому целую бабочку? Даже крылья ей не оторвала!

Зинька кинулась в чащу, там спряталась: и стыдно ей, и обидно. Потом много дней по лесу летала, — нет, никто ее в компанию к себе не принимает!

А что ни день, то больше в лес приходит ребят. Все с корзиночками, веселые; идут — песни поют, а потом разойдутся и ягоды собирают: и в рот и в корзиночки. Уже малина поспела.

Зинька все около них вертится, с ветки на ветку перелетает, и веселей синичке с ребятами, хоть она их языка не понимает, а они — ее.

И случилось раз: одна маленькая девочка забралась в малинник, идет тихонько, ягоды берет. А Зинька над нею по деревьям порхает. И вдруг видит: большой страшный медведь в малиннике. Девочка как раз к нему подходит, — его не видит. И он ее не видит: тоже ягоды собирает. Нагнет лапой куст — и себе в рот.

«Вот сейчас, — думает Зинька, — наткнется на него девочка — страшилище это ее и съест! Спаси, спаси ее надо!» И закричала с дерева по-своему, по-синичьему:

— Зинь-зинь-вень! Девочка, девочка! Тут медведь. Убегай!

Девочка и внимания на нее не обратила: ни слова не поняла. А медведь-страшилище понял: разом поднялся на дыбы, оглядывается: где девочка? «Ну, — решила Зинька, — пропала маленькая!» А медведь увидел девочку, опустил на все четыре лапы — да как кинется от нее наутек через кусты! Вот удивилась Зинька: «Хотела девочку от медведя спасти, а спасла медведя от девочки! Такое страшилище, а маленького человечка боится!»

С тех пор, встречая ребят в лесу, синичка пела им звонкую песенку:

Зинь-зань-ле! Зань-зинь-ле!

Кто пораньше встает,

Тот грибы себе берет,

А сонливый да ленивый

Идут после за крапивой.

Эта маленькая девочка, от которой убежал медведь, всегда приходила в лес первая и уходила из лесу с полной корзинкой.

АВГУСТ

— После июля, — сказал Старый Воробей, — идет август. Третий — и, заметь себе это, — последний месяц лета.

— Август, — повторила Зинька. И принялась думать, что ей в этом месяце делать.

Ну, да ведь она была синичка, а синички долго на одном месте усидеть не могут. Им бы все порхать да скакать, по веткам лазать то вверх, то вниз головой. Много так не надумаешь. Пожила немножко в городе — скучно. И сама не заметила, как опять очутилась в лесу. Очутилась в лесу и удивляется: что там со всеми птицами сделалось? Только что все гнали ее, близко к себе и к своим птенцам не подпускали, а теперь только и слышит: «Зинька, лети к нам!», «Зинька, сюда!», «Зинька, полетай с нами!», «Зинька, Зинька, Зинька!». Смотрит — все гнезда пустые, все дупла свободные, все птенцы выросли и летать научились. Дети и родители все вместе живут, так выводками и летают, а уж на месте никто не сидит, и гнезда им больше не нужны. И гостье все рады: веселей в компании-то кочевать. Зинька то к одним пристанет, то к другим; один день с хохлатыми синичками проведет, другой — с гаечками-пухлячками. Беззаботно живет: тепло, светло, еды сколько хочешь. И вот удивилась Зинька, когда белку встретила и разговорилась с ней. Смотрит — белка с дерева на землю спустилась и что-то ищет там в траве. Нашла гриб, схватила его в зубы — и марш с ним назад на дерево. Нашла там сучочек острый, ткнула на него гриб, а есть не есть его: поскакала дальше. И опять на землю — грибы искать.

Зинька подлетела к ней и спрашивает:

— Что ты, белочка, делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накальываешь?

— Как зачем? — отвечает белка. — Впрок собираю, сушу в запас. Зима придет — пропадешь без запаса.

Стала тут Зинька примечать: не только белки — многие зверюшки запасы себе собирают. Мышки, полевки, хомяки с поля зерна за щеками таскают в свои норки, набивают там свои кладовочки. Начала и Зинька кое-что припрятывать на черный день; найдет вкусные семечки, поклюет их, а что лишнее — сунет куда-нибудь в кору, в щелочку. Соловей это увидел и смеется:

— Ты что же, синичка, на всю долгую зиму хочешь запасы сделать? Этак тебе тоже нору копать впору.

Зинька смутилась.

— А ты как же, — спрашивает, — зимой думаешь?

— Фьють! — свистнул соловей. — Придет осень, — я отсюда улечу. Далек-далеко улечу, туда, где и зимой тепло и розы цветут. Там сытно, как здесь летом.

— Да ведь ты соловей, — говорит Зинька, — тебе что: сегодня здесь спел, а завтра — там. А я синичка. Я где родилась, там всю жизнь и проживу.

А про себя подумала: «Пора, пора мне о своем домке подумать! Вот уж и люди в поле вышли — убирают хлеб, увозят с поля. Кончается лето, кончается...»

СЕНТЯБРЬ

— А теперь какой месяц будет? — спросила Зинька у Старого Воробья.

— Теперь будет сентябрь, — сказал Старый Воробей. — Первый месяц осени.

И правда: уже не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи — длиннее, и все чаще стали лить дожди.

Первым делом осень пришла в поле. Зинька видела, как день за днем люди свозили хлеб с поля в деревню, из деревни — в город. Скоро совсем опустело поле, и ветер гулял в нем на просторе.

Потом раз вечером ветер улегся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: все оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ним по воздуху.

Одна такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой. Шарик оказался паучком, и синичка, недолго думая, клюнула его и проглотила. Очень вкусно! Только нос весь в паутине. А серебряные нити-паутинки тихонько плыли над полем, опускались на жнитво, на кусты, на лес: молодые паучки рассеялись так по всей земле. Покинув свою летательную паутинку, паучки отыскивали себе щелочку в коре или норку в земле и прятались в нее до весны. В лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птичьи семьи-выводки собирались в стайки, стайки — в стаи. Кочевали все шире по лесу: готовились в отлет. То и дело откуда-то неожиданно появлялись стаи совсем незнакомых Зиньке птиц — долгоногих пестрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше — в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с далекого севера стаи болотных и водяных птиц. Раз Зинька повстречала в кустах среди поля веселую стайку таких же, как она сама, синиц: белошекие, с желтой грудкой и длинным черным галстуком до самого хвостика. Стайка перелетела полем из леска в лесок. Не успела Зинька познакомиться с ними, как из-под кустов с

шумом и криком взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался короткий страшный гром — и синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю. А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились о землю. Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива ни мертва. Когда она пришла в себя, около нее никого не было — ни куропаток, ни синиц. Подошел бородатый человек с ружьем, поднял двух убитых куропаток и громко крикнул:

— Ау! Манюня! С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка. Зинька узнала ее: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у нее была в руках полная корзинка грибов. Пробегая мимо куста, она увидела на земле упавшую с ветки синичку, остановилась, наклонилась, взяла ее в руки. Зинька сидела в кусту не шевелясь.

Девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня sprиснула из нее водой синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула — и забилась в куст рядом с Зинькой. Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходившим отцом.

ОКТЯБРЬ

— Скорей, скорей! — торопила Зинька Старого Воробья. — Скажи мне, какой наступает месяц, и я полечу назад в лес: там у меня больной товарищ. И она рассказала Старому Воробью, как бородатый охотник сшиб с ветки сидевшую рядом с ней синичку, а девочка Манюня sprиснула водой и оживила ее. Узнав, что новый месяц, второй месяц осени, называется октябрь, Зинька живо вернулась в лес. Ее товарища звали Зинзивер. После удара дробинкой крылышки и лапки еще плохо повиновались ему. Он с трудом долетел до опушки. Тут Зинька отыскала ему хорошенькое дуплишко и стала таскать туда для него червячков-гусениц, как для маленького. А он был совсем не маленький: ему было уже два года, и, значит, он был на целый год старше Зиньки. Через несколько дней он совсем поправился. Стайка, с которой он летал, куда-то исчезла, и Зинзивер остался жить с Зинькой. Они очень подружились. А осень пришла уже и в лес. Сперва, когда все листья раскрасились в яркие цвета, он был очень красив. Потом подули сердитые ветры. Они сдирали желтые, красные, бурые листья с веток, носили их по воздуху и швыряли на землю. Скоро лес поредел, ветки обнажились, а земля под ними покрылась разноцветными листьями. Прилетели с далекого севера, из тундр, последние стаи болотных птиц. Теперь каждый день прибывали новые гости из северных лесов: там уже начиналась зима. Не все и в октябре дули сердитые ветры, не все лили дожди: выдавались и погожие, сухие и ясные дни. Нежаркое солнышко светило приветливо, прощаясь с засыпающим лесом. Потемневшие на земле листья тогда высыхали,

становились жесткими и хрупкими. Еще кое-где из-под них выглядывали грибы — грузди, маслята.

Но хорошую девочку Манюню Зинька и Зинзивер больше уж не встречали в лесу.

Синички любили спускаться на землю, прыгать по листьям — искать улиток на грибах. Раз они подскочили так к маленькому грибу, который рос между корнями белого березового пня. Вдруг по другую сторону пня выскочил серый, с белыми пятнами зверь.

Зинька пустилась было наутек, а Зинзивер рассердился и крикнул:

— Пинь-пинь-черр! Ты кто такой? Он был очень храбрый и улетал от врага, только когда враг на него кидался.

— Фу! — сказал серый пятнистый зверь, кося глазами и весь дрожа. — Как вы с Зинькой меня напугали! Нельзя же так топтать по сухим, хрустким листьям! Я думал, что лиса бежит или волк. Я же заяц, беляк я.

— Неправда! — крикнула ему с дерева Зинька. — Беляк летом серый, зимой белый, я знаю. А ты какой-то полубелый.

— Так ведь сейчас ни лето, ни зима. Вот и я ни серый, ни белый. — И заяц захныкал: — Вот сижу у березового пенька, дрожу, шевельнуться боюсь. Снегу еще нет, а у меня уже клочья белой шерсти лезут. Земля черная. Побегу по ней днем — сейчас меня все увидят. И так ужасно хрустят сухие листья! Как тихонько ни крадись, прямо гром из-под ног.

— Видишь, какой он трус, — сказал Зинзивер Зиньке. — А ты его испугалась. Он нам не враг.

НОЯБРЬ Враг — и страшный враг — появился в лесу в следующем месяце. Старый Воробей назвал этот месяц ноябрем и сказал, что это третий и последний месяц осени. Враг был очень страшный, потому что он был невидимка. В лесу стали пропадать и маленькие птички и большие, и мыши, и зайцы. Только зазеваается зверек, только отстанет от стаи птица — все равно ночью, днем ли, — глядь, их уж и в живых нет. Никто не знал, кто этот таинственный разбойник: зверь ли, птица или человек? Но все боялись его, и у всех лесных зверей и птиц только и было разговору, что о нем. Все ждали первого снега, чтобы по следам около растерзанной жертвы опознать убийцу. Первый снег выпал однажды вечером. А на утро следующего дня в лесу не досчитались одного зайчонка. Нашли его лапку. Тут же, на подтаявшем уже снегу, были следы больших, страшных когтей. Это могли быть когти зверя, могли быть когти и крупной хищной птицы. А больше ничего не оставил убийца: ни пера, ни шерстинки своей.

— Я боюсь, — сказала Зинька Зинзиверу. — Ох, как я боюсь! Давай улетим скорей из лесу, от этого ужасного разбойника-невидимки. Они полетели на реку. Там были старые дуплистые ивы-ракиты, где они могли найти себе приют.

— Знаешь, — говорила Зинька, — тут место открытое. Если и сюда придет страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в темном лесу. Мы его увидим издали и спрячемся от него. И они поселились за речкой. Осень пришла уже и на реку. Ивы-ракиты облетели, трава побурела и поникла. Снег выпадал и таял. Речка еще бежала, но по утрам на ней был ледок. И с каждым морозцем он рос. Не было по берегам и куликов. Оставались еще только утки. Они кричали, что останутся тут на всю зиму, если река вся не покроется льдом. А снег падал и падал — и больше уж не таял. Только было синички зажили спокойно, вдруг опять тревога: ночью неизвестно куда исчезла утка, спавшая на том берегу, — на краю своей стаи.

— Это он, — говорила, дрожа, Зинька. — Это невидимка. Он всюду: и в лесу, и в поле, и здесь, на реке.

— Невидимок не бывает, — говорил Зинзивер. — Я выслежу его, вот постой! И он целыми днями вертелся среди голых веток на верхушках старых ив-раakit: высматривал с вышки таинственного врага. Но так ничего и не заметил подозрительного. И вот вдруг — в последний день месяца — стала река. Лед разом покрыл ее — и больше уж не растаял. Утки улетели еще ночью. Тут Зиньке удалось наконец уговорить Зинзивера покинуть речку: ведь теперь враг мог легко перейти к ним по льду. И все равно Зиньке надо было в город: узнать у Старого Воробья, как называется новый месяц.

ДЕКАБРЬ Полетели синички в город. И никто, даже Старый Воробей, не мог им объяснить, кто этот невидимый страшный разбойник, от которого нет спасенья ни днем, ни ночью, ни большим, ни маленьким.

— Но успокойтесь, — сказал Старый Воробей. — Здесь, в городе, никакой невидимка не страшен: если даже он посмеет явиться сюда, люди сейчас же застрелят его. Оставайтесь жить с нами в городе. Вот уже начался месяц декабрь — хвостик года. Пришла зима. И в поле, и на речке, и в лесу теперь голодно и страшно. А у людей всегда найдется для нас, мелких пташек, и приют и еда. Конечно, Зинька с радостью согласилась поселиться в городе и уговорила Зинзивера. Сперва он, правда, не соглашался, хорохорился, кричал:

— Пинь-пинь-черр! Никого не боюсь! Разыщу невидимку! Но Зинька ему сказала:

— Не в том дело, а вот в чем: скоро будет Новый год. Солнышко опять начнет выглядывать, все будут радоваться ему. А спеть ему первую

весеннюю песенку тут, в городе, никто не сможет: воробьи умеют только чирикать, вороны только каркают, а галки — галдят. В прошлом году первую весеннюю песенку солнцу спела тут я. А теперь ее должен спеть ты.

Зинзивер как крикнет:

— Пинь-пинь-черр! Ты права. Это я могу. Голос у меня сильный, звонкий, — на весь город хватит. Остаемся тут!

Стали они искать себе помещение. Но это оказалось очень трудно. В городе не то что в лесу: тут и зимой все дупла, скворешни, гнезда, даже щели за окнами и под крышами заняты. В том воробьином гнездышке за оконницей, где встретила елку Зинька в прошлом году, теперь жило целое семейство молодых воробьев.

Но и тут Зиньке помог Старый Воробей. Он сказал ей:

— Слетайте-ка вон в тот домик, вон — с красной крышей и садиком. Там я видел девочку, которая все что-то ковыряла долотом в полене. Уж не готовит ли она вам — синичкам — хорошензкую дуплянку? Зинька и Зинзивер сейчас же полетели к домику с красной крышей. И кого же они первым делом увидели в саду, на дереве? Того страшного бородатого охотника, который чуть насмерть не застрелил Зинзивера. Охотник одной рукой прижимал дуплянку к дереву, а в другой держал молоток и гвозди. Он наклонился вниз и крикнул:

— Так, что ли?

И снизу, с земли, ему ответила тоненьким голоском Манюня:

— Так, хорошо!

И бородатый охотник большими гвоздями крепко прибил дуплянку к стволу, а потом слез с дерева. Зинька и Зинзивер сейчас же заглянули в дуплянку и решили, что лучшей квартиры они никогда и не видели: Манюня выдолбила в полене уютное глубокое дуплишко и даже положила в него мягкого, теплого пера, пуха и шерсти. Месяц пролетел незаметно; никто не беспокоил тут синичек, а Манюня каждое утро приносила им еду на столик, нарочно приделанный к ветке. А под самый Новый год случилось еще одно — последнее в этом году — важное событие: Манюнин отец, который иногда уезжал за город на охоту, привез невиданную птицу, посмотреть на которую сбегались все соседи. То была большущая белоснежная сова, — до того белоснежная, что когда охотник бросил ее на снег, сову только с большим трудом можно было разглядеть.